

**ВАДИМ
УДИЛОВ**

ТЕРАКТЫ И ДИВЕРСИИ В СССР

**СТОПРОЦЕНТНАЯ
РАСКРЫВАЕМОСТЬ**

ЭКСМО
Москва

алгоритм

2011

ЗАПИСКИ КОНТРАРАЗВЕДЧИКА. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

ПРОЛОГ

Стороны давно уже привыкли к тому, что каждая сторона в области оперативной деятельности работает в 100%. В 100% стран в настоящее время есть свой контрразведчик. Контрразведчик, то есть человек, который работает на территории СССР противной разведке противной стороны, добывает документальное подтверждение по различным документам, чтобы сделать эту информацию преступлением. Потому что была информация, которая в 100% случаев в 100% случаев была подтверждена. Это подтверждение по различным документам.

Как это не странно, а до сих пор не могу дать четкого определения понятию контрразведчик. Контрразведчик — это человек, который работает на территории СССР противной разведке противной стороны, добывает документальное подтверждение по различным документам, чтобы сделать эту информацию преступлением. Потому что была информация, которая в 100% случаев в 100% случаев была подтверждена. Это подтверждение по различным документам.

Особенно ярко элементы поиска и розыска проявились при проведении всесоюзных мероприятий по делу

«Взрывники» в 1977 году, где мне пришлось возглавить оперативно-следственную группу по розыску диверсантов и обобщению всех материалов по этому делу. Вот как это было.

В субботу, 8 января 1977 года, во время школьных каникул и выездов детей на елки, в Москве с небольшими перерывами неизвестными лицами были взорваны три бомбы. Первый взрыв, наиболее тяжелый по последствиям, произошел в вагоне поезда метрополитена. Второй — в продуктовом магазине № 15, а третий — на улице 25 Октября, недалеко от ГУМа. Были убитые и раненые. В общей сложности пострадало 37 человек. К сожалению, среди них были дети. Помню, погиб ученик 10-го класса Коля Абузьяров, приехавший в Москву на каникулы. Тяжелое ранение получила 4-летняя девочка и другие.

Взрывы ошеломили не только общественность Москвы, но и нас, сотрудников КГБ, потому что подобный диверсионно-террористический акт, направленный исключительно против людей, был совершен последний раз еще на заре Советской власти. Ясно было, что в данном случае действовал жестокий, матерый враг.

Ответы потерпевших и свидетелей, а таких было около 500 человек, никаких результатов в отношении личности преступников не дали. Пока шли опросы, другие наши товарищи скрупулезно собирали вещественные доказательства в виде остатков от взорванных бомб и средств их укрытия. Для этого снималась даже обшивка вагона метро, в котором была взорвана бомба, с тем чтобы найти застрявшие в ней осколки. Поскольку третья по счету бомба взорвалась в чугунной урне на улице 25 Октября, весь заряд, как из жерла пушки, взлетел вверх и упал на крышу находившегося рядом Историко-архивного института; пришлось убрать с крыши весь снег в спецкоробки, затем растопить его и собрать таким образом дополнительные улики. Из тел убитых так-

же извлекались осколки, чтобы по ним установить, что из себя представляли бомбы. Одним словом, вещественные улики собирались с особой тщательностью, ибо по ним, и только по ним, предстоял в дальнейшем тяжелый, кропотливый и в то же время интенсивный розыск преступников. Именно с этого времени поступила команда органам КГБ страны все дела по оперативным вопросам и розыску вести в привязке к взрывам, проведенным диверсантами в Москве. Это означало, что каждый полученный органами сигнал по совершению отдельными лицами недозволенных действий сопоставлялся с событиями в Москве для определения возможной причастности этих лиц к актам диверсии. На этой основе в течение года появились десятки, может быть, сотни проверок по стране, которые, к сожалению, оканчивались безрезультатно. Конечно, были и плюсы. Например, в ходе широкого поиска были разысканы находившиеся в розыске десятки, если не сотни, преступников по линии МВД СССР.

Нашим товарищам удалось собрать следующие остатки и детали от взрывных устройств с средствами их укрытия:

1. В вагоне метро, на месте взрыва, осталась разорванная на клочки дорожно-хозяйственная сумка бежевого цвета. Специалисты достаточно быстро и точно определили, что сумка сделана из искусственной кожи, выпускаемой Белгородским заводом Горьковской области. Определили торговый ярлык, ГОСТ, куда эта кожа рассылалась. Результат был малоутешителен: в 40 городов!

По остаткам сумки попытались смоделировать и сделать несколько копий сумок. Фотографии сумок разослали во все органы КГБ страны с целью определения, в каком городе и какая фабрика эти сумки выпустила и пустила в продажу. Это представляло несомненный интерес, потому что преступники заранее срезали

ярлычок с сумки, в которой находилась бомба: видимо, название города и фабрики на ярлычке как-то могло навести преследователей на цель. К сожалению, ответы из территориальных органов КГБ все как один были отрицательными. Тогда циркулярно пошла из Центра новая команда — искать сумки по фотографиям среди пассажиров и покупателей страны.

2. Тщательно исследовались собранные после взрыва осколки. И вот при вскрытии погибшего от взрыва в метро мужчины в его теле был обнаружен осколок с синей эмалью, напоминающий ручку от утятницы. При дальнейшем тщательном исследовании удалось установить, что преступники использовали в качестве корпуса взрывного устройства чугунную утятницу с прилегающей к ней крышкой. Крышка была соединена с корпусом при помощи стальных шпилек, которые остались целыми после взрыва и по которым можно было определить, что крепились они накрученными на них стальными гайками, с последующей их сваркой.

Кто выпускал подобные утятницы? Поиск носил затяжной характер, но в конечном итоге помогли индивидуальные особенности ее изготовления. Примерно через два месяца поиска мастер подсобного цеха завода лентотранспортного оборудования в Харькове, посмотрев на ручку от утятницы, твердо сказал: «Эту утятницу делал я!» С трудом разобрались в заводской документации — когда выпускались утятницы синего цвета и куда эта продукция рассылалась. Итог также был неутешителен: в 45 городов!

Помимо осколков от утятницы в вагоне метро были найдены и другие осколки. По всей вероятности, преступники добавили их в пустующие места бомбы для большей поражаемости. Экспертиза установила, что все другие осколки имеют природную примесь мышьяка. Пришлось переключиться на поиски рудника, где

добывается эта руда и куда она рассылается. Рудник с помощью Министерства черной металлургии был установлен: это Камыш-Бурунское месторождение в районе Керчи в Крыму. Руда из него поставлялась на Украину, в Закавказские республики и частично в Литву.

А это уже немаловажно, так как существенно сужался круг поиска. Добыча руды на Камыш-Бурунском месторождении была сравнительно небольшой, и поступала она в указанные места мелкими партиями. Ясно, там она переплавлялась и использовалась. Поскольку все другие, кроме утятницы, осколки были с примесью мышьяка, следовательно, их могли собрать только там, где они фигурировали в качестве металла, изделий и лома. Вряд ли их могли завезти, используя для усиления бомб, куда-нибудь на Урал, в Сибирь, Нечерноземную зону, особенно в области, лежащие по соседству с Московской. До этого вывода экспертизы мы с полным основанием могли подозревать в совершении диверсионного акта каких-либо озлобленных лиц из москвичей, которым после отбытия по суду наказания запрещалось жить в столице, и они селились на сто первом километре или в соседних областях, и которые в порядке мести могли решиться на этот акт. Поскольку бомбы были самодельными, мы подумали, что вряд ли за указанными осколками преступники специально ездили в Камыш-Бурун, Закавказье, на Украину, тем более — в Литву.

Мы с еще большим вниманием сосредоточились на тех районах, где процветали националистические тенденции. Это ОУНовские и бандеровские националисты, литовские экстремисты, последователи грузинских меньшевиков и армянской организации «Дашнак-Цутюн». Таким образом, фронт поиска сузился, но до финиша было еще далеко.

3. Как уже говорилось, на месте взрыва нашли стальные шпильки. Длина их была 170 миллиметров, тол-

щина — 6 миллиметров. Через специалистов и систему ГОСТов был установлен завод-изготовитель. Им оказался Контактный завод в Ивановской области. Здесь нам повезло чуть больше: шпильки указанного размера рассылались всего в 12 городов.

Исследования проводились и по всем другим деталям, входящим составными частями во взрывные устройства: гайкам, болтам, проводам, латексу, часовым механизмам и прочему. Все это сличалось, и устанавливалась рассылка по городам. Списки городов, куда высылались интересующая нас продукция, тщательно сверялись на предмет повторяемости. В списках фигурировали чаще всего три города: Харьков, Ереван, Ростов-на-Дону.

4. Проводились и другие экспертизы на предмет определения личностей преступников, их навыков, возможного образования и т.д. Например, исследование самодельных часовых механизмов давало основание считать, что их изготовил специалист, разбирающийся в электромеханике на уровне инженера.

Весьма интересный вывод сделала экспертиза, исследуя следы сварки бомб. Оказывается, все сварочные работы на бомбах были произведены специальным электродом, который используется только в оборонной промышленности. Отсюда можно было предположить, что одного из преступников следует искать в привязке к номерному заводу.

5. Параллельно с исследованиями вещественных доказательств интенсивно велась работа по проверке сигналов, поступающих из периферийных органов. Например, в доме лесника Лобова (Тамбов) при вскрытии посылки произошел сильнейший взрыв, в результате чего жена и две дочери лесника погибли. При проведении обыска у подозреваемого по этому взрыву Платова изъяли часы с приваренными к ним проводками, как

это имело место в часовых механизмах, использованных преступниками в бомбах, взорванных в Москве.

Кстати, поиск взрывников помимо КГБ был поручен также и МВД СССР. К нашему приезду в Тамбов местная милиция уже имела «чистосердечные признания» Платова, что помимо убийства семьи Лобова он совершил также взрывы бомб в Москве. Однако он не сумел ответить ни на один из поставленных нами вопросов, в том числе таких: в каких местах Москвы были совершены взрывы? Что использовалось в качестве корпусов бомб?

Стало ясно, что в желании отличиться местный начальник милиции упорно «посоветовал» Платову взять взрывы в Москве на себя. Примерно месяц ушел на выяснение обстоятельств тамбовского дела. В результате было установлено, что Платов инвалид, сторож лесоводческого хозяйства, он же изобретатель и народный умелец, попытался убить Лобова за его издевательства над ним, оскорбления его как инвалида и за постоянное вымогательство взяток за ловлю рыбы на реке Цна. Часы же с проводками обвиняемый использовал в сочетании с радиоприемником для того, чтобы в нужное время поднять любителей-рыболовов перед рассветом...

Подобные случаи пересылки по почте бомб имели место в Белоруссии. Самодельные бомбы были обнаружены в Орловской области, на Урале и т.д. Была обнаружена даже утятница с приваренной к ней шпилькой. Ее нашли в старом русле (старице) Оки, где, как выяснилось, хозяйничали рыбные браконьеры. И везде нужно было довести дела до логического конца.

А время шло неумолимо, и преступники, почувствовав свою безнаказанность, могли пойти на новое преступление.

Наконец повезло и нам. Молодой сотрудник, проходивший стажировку в КГБ Узбекской ССР, дежурил в ташкентском аэропорту и среди толчеи пассажиров увидел

женщину с хозяйственно-дорожной сумкой. А сумку он где-то видел! Но где? Пока он вспоминал, женщина прошла на посадку самолета Ташкент — Бухара. И тут он вспомнил, что видел фотографию этой сумки при инструктаже перед выходом в наряд. Оперработник бросился догонять женщину. В конечном итоге она добровольно обменяла свою сумку на другую, предоставленную ей сотрудниками КГБ. Внутри изъятой сумки на ярлыке было написано: «Кожгалантерейная фабрика города Еревана».

Таким образом, Ереван профигурировал по всем нашим вещдокам и позициям.

Известными стали также умения и навыки преступников, наличие у них технического образования, их работа в оборонной отрасли промышленности и, конечно, склонность к националистическому экстремизму. Был канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и оперативно-следственная группа, руководство которой было поручено мне, по указанию Ю.В. Андропова и на его служебном самолете срочно вылетела в Ереван.

Как мы и предполагали, разыскиваемые нами преступники тоже не дремали. Взяв на вооружение диверсионно-террористические методы борьбы с советской властью (а если сказать точнее — с русским народом) и почувствовав безнаказанность за совершенные ими преступные деяния, они подготовили новые, более усовершенствованные бомбы для производства очередных взрывов в Москве.

Позднее эксперты установят, что усовершенствование коснулось часового механизма, а также была увеличена поражающая сила зарядов путем накручивания вокруг каждой из трех изготовленных бомб 200 штук шрапнелей в специальной упаковке.

В этот же день, когда мы с оперативно-следственной группой вылетели в Ереван, преступники с новыми

бомбами поездом выехали в Москву. Думаю, для многих ясно, что к этому времени, особенно перед 60-летним юбилеем Великой Октябрьской революции, режим по поддержанию безопасности в Москве был значительно усилен. Помимо традиционных методов работы КГБ были внедрены патрулирования и дежурства усиленных нарядов КГБ и МВД СССР на вокзалах, в метро, других уязвимых, по нашему мнению, общественных местах. Привлекались дружинники, бригадмильцы и другие добровольные помощники.

В Ереване мы, опираясь на местные правоохранительные органы, начали подготовку к негласному прочесыванию районов и кварталов города по нашему поисковому плану. А в это же время преступники уже искали, в каких общественных местах Москвы заложить новые бомбы. Видимо, почувствовав напряженность обстановки в городе, они решили взорвать все три бомбы на Курском вокзале.

Взяв билеты на поезд Москва — Ереван, террористы сидели в зале ожидания. Примерно за 20 минут до отхода поезда они собирались покинуть зал ожидания, включив предварительно часовой механизм и оставив сумку с бомбами на скамье. До отправления поезда было еще часа два с половиной. В зале к вечеру накопилось множество людей, стало душновато. Один из преступников снял с себя спортивную, типа динамовской, синюю куртку и вместе с шапкой втиснул их сверху в сумку с бомбами. Перед выходом он собирался было забрать шапку и куртку с собой. Но... они почти прозевали наряд милиции, начавший в зале проверку документов и вещей у пассажиров. Увидев наряд, когда до них оставалось несколько человек, один из преступников сунул руку в сумку, включил тумблер (переключатель) часового механизма. Затем под видом поиска туалета оба налегке вышли из зала ожидания и уже больше туда не возвращались.

Взрывной механизм включался с помощью часов через 20 минут. При этом устройство его было таково, что, если переключатель тумблера повернуть влево, ток от батареи пойдет на электролампочку. Если переключатель тумблера повернуть направо, ток пойдет на электродетонатор и произойдет взрыв. У преступников при этом был свой тонкий расчет. Допустим, они поставили переключатель вправо, включили часовой механизм и собрались уйти, но кто-то из посторонних вдруг закричит: «Эй, товарищ, вы сумку забыли!» Придется сумку забирать, а чтобы в этом случае взрыва не произошло, можно одной рукой быстро переключить тумблер влево, и ток пойдет на лампочку.

На Курском вокзале они сознательно включили часовой механизм так, чтобы ток через 20 минут пошел на лампочку. Видимо, боялись, что им не хватит 20 минут, чтобы уйти на безопасное расстояние. Преступники также предполагали, что, когда сотрудники милиции найдут бесхозную сумку, откроют ее, увидят горящую лампочку и рядом тумблер, по всей вероятности, захотят ее выключить, повернут переключатель тумблера вправо и взорвут сами себя. В конечном итоге все так и произошло бы. Но... в данном случае сработала поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Итак, сумка с бомбами и включенным часовым механизмом осталась в зале ожидания вокзала. На той же скамье, где стояла она, располагались две семьи, возвращавшиеся, кажется, из Сибири в Дагестан. Двое мужчин, женщины, куча детей разных возрастов. Они и увидели одиноко стоявшую сумку в полуметре — двух метрах от их неприхотливого багажа. Сейчас трудно установить, кто и зачем пододвинул интересующую нас сумку к вещам дагестанцев, а позднее даже накрыл ее какой-то дерюжкой.

Семьи дагестанцев с многочисленными детьми подозрения у наряда проверяющих не вызывали, и сум-

ка простояла до утра. Семьи эти, видимо, исповедовали мусульманскую веру и, наверное, до сих пор должны благословлять Аллаха за то, что дал им терпение и воздержал от любопытства, иначе они были бы давно в мире ином.

Заглянуть в сумку они решились на следующий день, примерно в 9 часов утра. Увидев железные корпуса, провода, часы, лампочку, они поняли, что здесь что-то неладно. С учетом вчерашней проверки милицией документов и вещей понимали, что сумку следовало отнести в милицию, но боялись, не обвинят ли их в чем-то незаконном. Колебания продолжались еще два часа. Наконец около 12.00 они все-таки решили отнести сумку в милицию при вокзале как находку. Первое, что сделал дежурный по отделению, это переключил тумблер вправо... К нашему счастью, проработавшая в течение 16—17 часов на лампочку батарея к этому времени села настолько, что для подрыва детонатора сила тока оказалась недостаточной.

Не скрою, по поводу этого чрезвычайного происшествия кутерьма в Москве получилась невообразимая. Все бегали, куда-то докладывали, звонили, показывали, но, к сожалению, забыли обо всем оповестить нас, сотрудников оперативно-следственной группы КГБ СССР, направленной в Ереван.

На наш справедливый вопрос по ВЧ-связи, что же случилось в Москве, последовал довольно резкий ответ от одного крупного столичного начальника:

— Чего вы лезете поперек батьки в пекло? Когда придет вам из Москвы шифрограмма, тогда и начнете действовать согласно имеющимся в ней указаниям.

Такой ответ нас не устраивал. Прежде всего потому, что преступники опять ускользнули с места происшествия и могли с минуты на минуту появиться в Армении. Нам были важны все, даже мелкие подробности, с помо-

щью которых можно было попытаться разыскать и изолировать их. Через наших коллег по ВЧ-связи удалось собрать следующие данные:

1. Три бомбы, приблизительно той же конструкции, что и в январе 1977 года.

2. Белая хозяйственная сумка, бывшая в длительном употреблении.

3. Спортивная куртка синего цвета, примерно 52-го размера.

4. Шапка-ушанка 56-го размера. К шапке прилипло несколько длинных черных, полукурчавых волосков.

Вроде бы и немного, но вывод мы все-таки сделали верный. Куртку и шапку положили в сумку с бомбами потому, что другой тары у преступников не было. Значит, они без вещей!

Шапку оставили, а другую купить в той обстановке было невозможно. Следовательно, один из преступников без головного убора и у него черные полукурчавые волосы.

Когда мы разговаривали с Москвой, поинтересовались, какая погода стояла в столице во время интересующих нас событий. Оказалось, минус два градуса. В этой связи можно было предположить, что на преступнике могли оказаться в качестве кальсон такие же, как куртка, синие спортивные брюки-трико.

Итак, преступник без шапки, без вещей, с черными полукурчавыми волосами, возможно, на нем синие трико вместо кальсон, едет из Москвы в Ереван!

Для того чтобы его обнаружить и задержать, необходимо было срочно перекрыть два аэропорта, прибывающие из Москвы железнодорожные поезда, а также шоссе Тбилиси — Ереван и Баку — Ереван. Граждан с указанными приметами требовалось задерживать до выяснения личности.

Срочно скомплектовали оперативные бригады и разослали их в аэропорты, а также на границу Грузии и Ар-

мении, с тем чтобы до прибытия каждого поезда в Ереван можно было прочесать все его вагоны. Группы оперработников совместно с автоинспекторами направили перекрывать шоссе из Тбилиси и Баку.

Следует сказать, что в то время работники КГБ Армении, видимо под влиянием местного партаппарата ЦК, не очень-то верили в возможность существования в Ереване диверсионно-террористической группы, разыскиваемой нами по делу «Взрывники». Ну а если в верхних эшелонах власти считали, что в Армении не может быть диверсантов или террористов, значит, правовой помощи ждать было не от кого. Это сказалось на интенсивности и качестве нашего розыска в Армении в первоначальный период.

Смешанная, из оперработников Москвы и Еревана, группа прибыла на пограничную станцию между Грузией и Арменией, когда московский поезд уже тронулся. Товарищи садились в вагоны на ходу.

При проверке документов в третьем вагоне оперработник обратил внимание на пассажира, который лежал на голой полке, делая вид, что спит. На самом деле он внимательно следил за ходом проверки. Волосы его соответствовали описанному, а из-под верхних брюк выглядывали штрипки синих спортивных. При проверке назвался Степаняном, документов у него не оказалось. Вещей и шапки у него также не было. Решили его задержать. Здесь же с помощью пассажиров выявили и напарника, с которым Степанян ехал от Москвы. Им оказался Багдасарян, тоже без вещей и документов. Пришлось задержать и его.

По прибытии поезда в Ереван Степаняна и Багдасаряна доставили в здание КГБ Армении. Было заметно, что это их сильно взволновало. Поэтому допрос решили провести тотчас с учетом их психологического состояния. Первый вопрос Степаняну был такой:

— Куда же ты свою сумку дел?

Мы даже не ожидали такого результата. Видимо, Степанян заранее подготовился, как будет отвечать в отношении сумки. Поэтому, не спросив нас, о какой сумке идет речь, ответил:

— Это не моя сумка.

— А чья же?

— Не знаю. Подошел какой-то русский мужчина и попросил временно покараулить ее.

Ответ ясно указывал, что Степанян знал, о какой сумке его спрашивают, и поторопился выставить свое алиби. Именно этот ответ придал нам уверенности, что мы на правильном пути.

Из другого кабинета я тут же позвонил в Москву и попросил прислать с первым самолетом одну из бомб, обнаруженных на Курском вокзале (естественно, в обезвреженном виде), сумку, спортивную куртку и шапку. Через два часа мой коллега и старый товарищ вылетел с этими предметами в Ереван.

Теперь надо было еще раз, по возможности документально, убедиться в причастности Степаняна и Багдасаряна к бомбам, найденным на Курском вокзале. Для этого мы в присутствии Багдасаряна разыграли следующую сцену. Вызвали его из камеры в кабинет следователя, и когда он вошел, то оказался свидетелем якобы заканчивавшегося разговора между сотрудниками КГБ, из которого можно было понять, что задержанных решили передать в милицию. После разговора, как бы между прочим, Багдасаряну сказали:

— Твоего друга перевели в милицию. Он там мерзнет в камере. Просит свою куртку, а какая его — мы не знаем. Может, ты pomoжешь отыскать его куртку и шапку?

На подоконнике лежали специально собранные разные вещи. Багдасарян подошел к окну и уверенно отыскал шапку и куртку Степаняна. И только вспышка при фотографировании напомнила ему, что поступил он опрометчиво.

— Нет! Нет! — закричал Багдасарян. — Я ничего не говорил!

Но было поздно, и нужное подтверждение мы получили.

Окончательную уверенность в причастности к взрывам Степаняна и Багдасаряна мы получили после вызова на беседу матери Степаняна, с которой состоялся следующий диалог:

Вопрос. Можете ли вы сказать, где находится сейчас ваш сын?

Ответ. Право, не знаю. Дней десять назад он сказал, что решил поехать в горы, в Цахкадзор, покататься на лыжах, и до сих пор его нет!

Вопрос. А что он взял с собой?

Ответ. Ничего особенного не взял. Немного продуктов, спортивный костюм. Все сложил в нашу сумку и уехал.

Вопрос. Посмотрите, нет ли вашей сумки среди этих вещей? (В углу стояло несколько сумок и чемодан.)

Ответ. Как же, вижу! Вот она, наша сумка, которую взял с собой мой сын. При этом она указала на сумку, обнаруженную с бомбами на Курском вокзале и присланную в Ереван для опознания.

Соответствующее оформление протокола свидетельницы шло к концу, когда в КГБ Армянской ССР позвонили из ЦК партии. Звонил первый секретарь и в адрес оперативно-следственной группы, прибывшей из Москвы, тоном, не терпящим возражений, высказал:

— На каком основании они, москвичи, проводят в Армении облавы, задержания людей?

Кто им дал право нервировать честных людей и тем самым срывать подготовку к празднику шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции? Сейчас делегация Армении вылетает в Москву на торжественное заседание, и там я выскажу свое неудовольствие поведением московских чекистов в Ерева-

не. А пока требую все следственные мероприятия прекратить, задержанных отпустить под подписку. Когда мы вернемся из Москвы, рассмотрим действия москвичей конкретно...

Все это прозвучало для нас как гром среди ясного неба! Казалось бы, еще немного — и мы получим неопровержимые доказательства. Но если отпустим Степаняна и Багдасаряна под подписку, то прямые улики наверняка будут уничтожены и мы потерпим полное фиаско. Необходимо было срочно провести обыск на квартирах задержанных, но мы понимали, что санкции на это в таких условиях ни один прокурор не даст. Среди товарищей из местного КГБ мнения по этому делу тогда разделились. Одни продолжали сомневаться в правильности действий московской группы КГБ. Другие, ознакомившись с материалами, полученными после задержания Степаняна и Багдасаряна, поверили в причастность их к взрывам. Третьи пошли еще дальше: через свои негласные каналы установили тесную связь задержанных с руководителем группы из антисоветской националистической организации «Парос» неким С.С. Затикяном, ранее отбывшим наказание за активную националистическую деятельность и по-прежнему вынашивавшим экстремистские планы в борьбе с Советской властью.

В разговоре с одним из работников КГБ Армении я сказал, что мы, безусловно, выполним указания первого секретаря ЦК Компартии Армении и задержанные лица немедленно будут отпущены, но только после обыска на их квартирах.

У меня на руках было два ордера на обыск, на которых вместо местного прокурора подписался я, как руководитель оперативно-следственной группы КГБ СССР. Юридической силы моя подпись не имела. Зато подпись заместителя председателя КГБ Армянской ССР, которую я получил во время беседы, придавала ордерам закон-

ную силу. В общем, разрешение мы получили. Мы понимали, что, если не подтвердим вещественными доказательствами причастности задержанных к взрывам, нас устранят от следственно-розыскных мероприятий с последующими административными выводами. Следовательно, от результатов обысков зависело все, в том числе и мера моей вины за непослушание указаниям первого секретаря.

Перед выездами групп на обыски, во главе которых теперь были поставлены местные следователи, я попросил участников групп ознакомиться с конструкцией бомбы, обнаруженной на Курском вокзале. Естественно, в группы обыска были включены наши московские товарищи. И хотя это считалось нарушением, мы отправили группы на обыск в ночь, ибо знали, что утром делать это может быть уже поздно.

Конечно, ночь для всех нас была бессонной. По договоренности с товарищами я ждал в номере гостиницы телефонного звонка о результатах обыска. Он раздался в шестом часу утра. Звонил сотрудник нашей московской группы. У него была весьма редкая фамилия Ремигайло. Да и сам он был редкой кропотливости, дотошливости и пунктуальности в решении наших вопросов работником, и я на него надеялся. Он пунктуально, подчеркивая каждую мелочь, сообщил о найденных в квартире Степаняна аналогах бомб по 17 позициям. Совпадали корпуса, заглушки, шпильки, провода, изоляционная лента, шрапнель и прочее; из всего этого можно было бы собрать новую, аналогичную изъятой на вокзале, бомбу.

Из записок Степаняна и по другим данным четко просматривалось, что своим руководителем он считал Степана Затикяна. Слушая по телефону Ремигайло, я успел записать на полях газеты «Правда» все доказательства, добытые при обыске. Газету я забрал на работу, чтобы использовать запись для доклада в Москву. Но

неотложные текущие дела, просмотр протоколов обысков, необходимость срочного негласного наблюдения за Затикяном отвлекли меня, и грозный звонок из Москвы последовал раньше, чем я ожидал. Звонил заместитель Председателя КГБ СССР, генерал армии С.К. Цвигун. Звонил, как он сам сказал, из Кремлевского Дворца съездов. Значит, по поводу жалобы Демирчяна. Посыпалась целая серия незаслуженных упреков в моем своеволии, строптивости, неумении прислушиваться к указаниям партийного и административного руководства. Имея веские доказательства, слушал я его весьма спокойно. Когда он наконец выговорился, я спросил:

— Так как мне поступать, Семен Кузьмич, может быть, действительно отпустить на свободу тех преступников, кто взрывал бомбы в Москве?

Несколько секунд трубка молчала, затем Цвигун спросил:

— Что? Есть доказательства?

Достав из кармана газету «Правда», я стал диктовать записанные на ней доказательства по всем 17 позициям. Сообщил также о полученных данных на Затикяна.

— Арестовали его? — спросил Цвигун.

— Нет! Никто санкции не дает! Даже срок задержания Степаняна и Багдасаряна кончается через два часа, а продлить некому...

Я немного слукавил, так как после обысков и полученных нами результатов обстановка в Ереване резко изменилась. Местные товарищи чекисты, искупая свою нерешительность на первом этапе, смело пошли на задержание Затикяна и обыск в его квартире. Здесь нам повезло еще больше. Помимо различных деталей-аналогов от бомб мы нашли у него под клеенкой на кухне схему взрывного устройства, использованного в Москве 8 января 1977 года в вагоне метро. Позднее экспертиза установит, что указанная схема исполнена лично рукой Затикяна. Круг замкнулся!

На этом наши оперативно-розыскные мероприятия не закончились. Пока шло следствие, мы искали прямых и косвенных свидетелей преступлений группы, руководимой Затикяном. Ценой больших усилий нам удалось найти свидетелей, подтвердивших пребывание Степаняна и Багдасаряна в день взрывов в январе 1977 года в Москве, видевших подготовку и испытания преступниками бомб в Армении, знавших о попытках Затикяна вовлечь других лиц в диверсионно-террористическую деятельность в СССР.

Кстати, первый секретарь выполнил обещание: по прибытии из Москвы в Ереван он вызвал нас в два часа ночи в здание ЦК КП Армении для разбирательства. Мы ждали этого и своеобразно подготовились. На беседу взяли три портфеля: в одном лежали детали бомбы с Курского вокзала, в других — детали-доказательства, изъятые у Затикяна и Степаняна. Отличить их было невозможно!..